

Екатерина Мельникова

Локальное прошлое на границе национального: краеведческие музеи Северного Приладожья в постсоветское время¹

Говоря о системе государственных музеев, мы привыкли рассматривать их как инструменты политического управления и идеологического контроля². Знаменитая андерсоновская триада «карта, перепись, музей» определяет типичные и самые распространенные средства производства и демонстрации национального единства в государствах национального типа. Хотя эта модель вполне отвечает реалиям советских музеев второй половины XX в., сегодня музеи существуют в более сложном пространстве регионального брендинга, моды на локальную символику и мифотворчество. Получив определенную независимость от федерального финансирования, маленькие музеи приобрели возможность выбирать предмет и способ репрезентации. В случае музеев, находящихся на приграничных территориях, этот выбор усложняется существованием совершенно различных интерпретаций прошлого региона, становившегося в разные эпохи частью различных историй и различных историописаний. Эта статья о том, как музеи делают выбор в такой ситуации.

**Екатерина Александровна
Мельникова**

Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
Melek@eu.spb.ru

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФНФ в рамках индивидуального проекта научных исследований № 13-01-00038 («“Быть местным”: символы локальности в эпоху позднего социализма и постсоциализма (случай бывшей финской Карелии)»).

² В таком ключе российские и советские этнографические музеи рассматриваются, например, в работах Фрэнсин Хирш и Дмитрия Баранова [Hirsch 2005; Баранов 2010].

История краеведческих музеев в России, уходящая корнями в эпоху земских инициатив последней трети XIX в., началась одновременно с началом советского государства. Именно в 1920-е гг. появились термины «краеведение», «краеведческая сеть» и «краеведческое общество»¹. Стремительное разрастание краеведческой сети в России сделало музеи важным инструментом общенациональной политики, что привело к кардинальному переустройству в конце 1930-х гг. краеведческих организаций — изменению их государственного статуса, принципов управления и роли локальных инициатив в формировании выставочного пространства. К середине 1960-х гг. краеведческие музеи составляли абсолютное большинство всех музеев в России: из 368 музеев, входивших в сеть Министерства культуры РСФСР, 233 были краеведческими. Увеличение числа местных музеев по сравнению со всеми остальными определялось не только открытием новых организаций, но и стандартизацией их названий, структуры экспозиций и положения внутри государственной музейной иерархии. По сообщению Т.О. Размутовой, уже с 1925 г. названия всех местных музеев обязаны были включать слово «краеведческий» [Размутова 1996: 144]². С середины 1930-х гг. обязательным условием существования местного музея становится принцип комплексности, а постановления конца 1930-х — 1940-х гг. определяют жесткую структуру отделов краеведческих музеев [Равикович 1988: 32].

Государственные инициативы второй половины 1960-х — 1970-х гг., направленные на коренизацию идеи «советского», обусловили новый виток в развитии краеведческой сети [Донован 2012]. В это время появляются сотни маленьких провинциальных музеев, связанных в первую очередь с деятельностью по увековечиванию локальной памяти о Великой Отечественной войне. Открываются школьные музеи и комнаты боевой славы, возглавляемые, как правило, учителями истории и директорами школ. 1960—1980-е гг. также стали временем открытия музеев в городах-новостройках [Златоустова 1991: 267] и создания народных музеев. Несмотря на сокращение про-

¹ Подробнее об истории российского краеведения см.: [Филимонов 1991; 1996; Шмидт 1992; Ремизов 1998; Коткин 2000; Соболев 2000; Бердинских 2003; Johnson 2006; Лоскутова 2009; 2010; 2011; Fein 2012]. О современных краеведческих практиках см.: [Литягин, Тарабукина 2000; Леонтьева, Маслинский 2001]. Социологические наблюдения над современными практиками краеведения на Северо-Западе России представлены в сб.: [Краеведение и гражданское общество 2004].

² Т.О. Размутова не указывает конкретного постановления, установившего это правило, и мне не удалось найти документальных подтверждений существования такого указа. Вместе с тем каталоги музеев, издававшиеся в 1925, 1930, 1961, 1968 гг., безусловно свидетельствуют о динамике в названии музеев. В справочнике Центрального бюро краеведения 1925 г. слово «краеведение» в названиях организаций встречается крайне редко (см. также: [Ионова 1957: 37]). В каталоге 1961 г. большинство музеев уже называются краеведческими.

цента краеведческих музеев в 1960-х гг., в том числе и за счет увеличения числа узкопрофильных музеев, их общее число продолжало расти. В результате к началу 1980-х гг. каждый районный центр имел свой краеведческий музей.

Хотя краеведение, как в первые годы советской власти, так и в более позднее время, было подчеркнуто ориентировано на изучение и демонстрацию «местного», на протяжении всей своей истории краеведческие инициативы во многом определялись национальной политикой и представлениями участников краеведческого движения о национальном контексте локальной культуры, истории и науки¹. С тех пор, как краеведческие музеи стали предметами жесткого государственного планирования, их роль в формировании национального единства закреплялась в форме общесоюзных выставочных планов и государственных заданий. Брежневская «стабильность» была вполне визуализирована в сфере музеев. К 1980-м гг. не только каждый уважающий себя райцентр имел краеведческий музей, но и все они выглядели совершенно одинаково, независимо от того, в каком городе находились².

Ситуация изменилась в 1990-е гг. Во-первых, в контексте реорганизации пространства перестроечной России местные инициативы нередко получали федеральную поддержку³. Во-вторых, в 1992 г. был принят федеративный договор, который устанавливал новый режим управления регионами и, с одной стороны, давал им значительную свободу в распоряжении своими ресурсами, а с другой — возлагал на них ответственность за распределение и использование этих ресурсов⁴. Региональные администрации, столкнувшиеся с необходимостью самостоятельного привлечения инвестиций и межрегиональной конкуренцией, нашли выход в политике территориального брендинга, которая в российском контексте реализуется почти исключительно в форме создания локальных символов и мифов. Местные музеи снова оказались мобилизованными для решения передовых задач: производства, демонстрации и популяризации локального имиджа.

¹ Подробнее о связи краеведения с национальной политикой и представлением о месте локального в национальном см.: [Мельникова 2012].

² Об аналогичной ситуации в исторических и литературных музеях см.: [Tchouikina 2011].

³ Именно так возник Музей Северного Приладожья в Сортавале, о котором пойдет речь дальше. Инициатива его создания принадлежала Б.Н. Ельцину. По воспоминаниям сотрудника музея, Б.Н. Ельцин любил Валаам и приезжал туда. Когда на остров вернулся монастырь и Валаамский музей должен был закрыться, многие его фонды перевезли в Музей Северного Приладожья [АМАЭ. КИ. Оп. 2. № 2106. Л. 13–14].

⁴ Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации».

Третья причина изменений связана с положением самих музеев на рынке культурного производства. Как только региональные бренды стали товарами, их производство превратилось в коммерческую деятельность, предполагающую жесткую конкуренцию за финансовые ресурсы. 2000-е гг. — время стремительного увеличения числа организаций в сфере культуры, функционирующих в качестве витрин местного достояния. В районных центрах появляются новые музеи, галереи и культурные центры, вступающие в борьбу за административное финансирование и приезжающих туристов. Старые краеведческие музеи, существовавшие с советских времен, больше не являются монополистами в области местного знания.

Трансформации, начавшиеся в середине 1990-х гг., сделали краеведческие музеи гораздо более зависимыми от местных ресурсов, чем от федеральных¹, что привело к пересмотру самого вопроса о том, что и как следует показывать в экспозиционном пространстве. В ряде старых краеведческих музеев сохраняется типовая структура, сложившаяся уже к концу 1940-х гг. и включающая отделы природы, дореволюционного прошлого и советского периода. Однако чем меньше доля государственного финансирования в бюджете музея, чем больше он зависит от собственных доходов (от участия в различных культурных программах, ориентированных на сферу туризма, и мероприятиях для местных жителей), тем сильнее проявляется тенденция к смене структуры и визуального ряда экспозиций.

Общий контекст

Тенденции, наблюдаемые сегодня в российских краеведческих музеях, не уникальны для России, а связаны с глобальными, общемировыми процессами коммерциализации и коммодификации культуры. Усиление (вряд ли она когда-либо отсутствовала полностью) экономической составляющей культурного производства и участие в «потреблении» локальной культуры транснациональной аудиторией в лице многочисленных и повсеместно присутствующих туристов стало, с одной стороны, поводом для алармистских теорий, трактующих неолиберальные формы культуры как свидетельство общего процесса унификации культурных различий, утраты людьми этнической и прочих идентичностей [Greenwood 1972: 87; MacCannell 1992: 20; Walsh 1992: 1; Turner 1994: 185]², а с другой — импульсом

¹ Принятые в 1992 г. основы законодательства о культуре переводили большинство региональных музеев на содержание практически полностью из средств местных бюджетов (Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1).

² Яркий пример обличительного дискурса обнаруживается в недавнем сборнике статей Умберто Эко, который хотя и не говорит о продаже культуры, но видит в популизме средств массовой информа-

к изучению всего многообразия форм существования культуры в пространстве территориального маркетинга и рынка туристических направлений¹.

Именно в этом контексте — широкомасштабной коммерциализации и коммодификации культурного производства — я рассматриваю деятельность современных краеведческих музеев в России. Брендирование территорий², подстраивание под вкусы туристов, зависимость от локальных экономических ресурсов³ — все это явления, в равной степени характерные сегодня для Британии, США, Таиланда или России. Вместе

ции (безусловно определяющем пространство, в котором существует и культура тоже) бич современности, свидетельство неуклонного возвращения нашей цивилизации в Гуттенбергову галактику [Эко 2007: 9]. Обсуждение научных фобий, вызванных массовым распространением туризма и неолиберальных форм культурного производства см. в: [Nash 1981: 465; Wood 1997: 5; Shepherd 2002: 183–184].

¹ Стремительно развивавшуюся с 1980-х гг. сферу изучения неолиберальных форм культуры можно условно разделить на несколько областей. Это, во-первых, исследования, обращающиеся к особенностям коммерческого использования культурного наследия, начальной точкой которых принято считать книгу Роберта Хьюисона «Индустрия наследия» [Hewison 1987], хотя многие вопросы, связанные с использованием прошлого в коммерческой сфере, были поставлены уже в многостраничном труде Дэвида Лоуэнталя, вышедшем впервые в 1985 г. [Lowenthal 1985; Лоуэнтал 2004]. См. обзор литературы в рамках этого направления в: [Macdonald 2013]. Отдельную группу исследований составляют работы о включении «культуры» в сферу наследия, на которое распространяется авторское право. См. обсуждение этих вопросов в статье Сергея Соколовского [Соколовский 2012] и комментариев к ней, опубликованных в том же номере «Антропологического форума». Вторых, это целый ряд работ, посвященных роли туризма в современном мире [Urry 1990] и в изменении того, что традиционно называлось термином «культура» [Nash 1996; Clifford 1997; Wood, Picard 1997; Edwards 1998; Shepherd 2002; Comaroff, Comaroff 2009]. Третье важное направление, связанное с изучением современных процессов в области производства культурных символов, это исследование коммодификации — превращения вещей (и не только вещей) в товары, получившее широкое распространение после выхода сборника «Социальная роль вещей: товары в культурной перспективе» под редакцией Арджуна Аппадурай [Appadurai 2003 (1986)], куда вошла и знаменитая статья Игоря Капытофф «Культурная биография вещей». Все три направления пересекаются, включая также и проблематику культурной памяти в значении полезного, востребованного прошлого.

² Понятие «брендирование территорий» происходит из языка бизнес-маркетинга, где оно стало популярно после публикации в 1993 г. книги Филипа Котлера, Дональда Хайдера и Ирвинга Рейна «Маркетинг территорий: привлечение инвестиций, промышленности и туризма в города, штаты и страны» (“Marketing Places: Attracting Investment, Industry and Tourism to Cities, States and Nations”). Первая глава этой книги называется «Места в беде» (“Places in Trouble”) и начинается словами: «С каждым днем число мест, попадающих в список больных, становится все больше». Конечно авторы называют финансовые проблемы регионов и, поставив диагноз, предлагают лечение: продвижение мест на внутреннем и мировом рынках. Брендирование территорий очень быстро стало одной из популярных маркетинговых услуг: за последние двадцать лет в Европе и Америке появилась сеть агентств, специализирующихся на проведении комплекса мероприятий, обеспечивающих эффективное создание локального бренда; курсы территориального бренда включены сегодня в программы большинства факультетов, обучающих менеджменту. В России также существует несколько агентств, специализирующихся на профессиональном брендировании регионов (например, группа компаний “Stas Marketing”, агентство “Ex Libris” и ряд других). Но в большинстве случаев брендирование российских регионов проводится сегодня силами местной администрации без привлечения профессиональных менеджеров. Обсуждение теоретических вопросов и литературы, посвященной понятию «территориальное брендирование», см. в: [Pike 2011].

³ Приводить полный список работ не имеет смысла — он огромен. Укажу только несколько исследований, непосредственно затрагивающих тему территориального брендинга и роли музеев в современном мире: [Walsh 1992; Gotham 2007; Ostow 2008; Macdonald 2013; Ulldemolins 2014].

с тем во всех случаях мы имеем дело с локальной спецификой, обуславливающей особенные формы производства культурных символов.

В этой статье я обращаюсь к одному небольшому региону, который знаю достаточно хорошо для того, чтобы можно было рассмотреть на его примере не только и даже не столько символические структуры производства, где есть насаждаемая сверху идеология наследия, локальная версия истории и экономически выгодная стратегия репрезентации прошлого региона, но, что меня в данном случае интересует больше всего, то место, которое занимают в «индустрии локальной истории» краеведы и работники сферы культуры, чья позиция и чье отношение к «производству» связаны с целым рядом двусмысленностей и противоречий.

Вместе с тем из всего многообразия вопросов, связанных с процессом включения местной культуры и истории в пространство современного рынка, я выбрала только один — вопрос о балансировании между «национальным» и «локальным» нарративами прошлого. В том регионе, о котором пойдет речь, этот вопрос важен не только потому, что так же, как и другие области, он тесно связан с новейшими тенденциями в маркировании территорий, но и потому, что именно здесь, в Северном Приладожье, «национальный нарратив» сам по себе является противоречивым конструктом, создаваемым, как это ни парадоксально, с оглядкой не столько на официальную идеологию, сколько на локальную версию «национального».

Разные истории приграничья

Северное Приладожье было приграничьем с момента возникновения самих границ на Севере России (рис. 1). По мере складывания и трансформации государственных образований в Северной и Восточной Европе приладожские земли попадали в сферу интересов соседних стран.

Первой границей в регионе считается граница, установленная Ореховецким мирным договором между Новгородом и Швецией в 1323 г. Впоследствии она многократно нарушалась с обеих сторон и была заново установлена Тязвинским договором 1595 г. между Москвой и Швецией. Выборгский (1609 г.) и Столбовский (1617 г.) договоры устанавливали границу, практически совпадавшую с более поздней границей Великого княжества Финляндского, а затем независимой Финляндии. 1721 г. — новый мир и новая граница, определявшаяся Ништадтским мирным договором между Россией и Швецией. 1809 и 1811 гг. — договоры, по которым устанавливалась граница

Рис. 1. Северное Приладожье <<http://helyla.onego.ru/map.html>>

Великого княжества Финляндского, ставшего частью Российской империи. 1917 г. — в связи с получением Финляндией независимости граница становится государственной. 1940 и 1944 гг. — граница снова меняется, разделяя СССР и Финляндию в Приладожье. Каждому изменению границы предшествовала война (ил. 1 на цветной вклейке).

Менялась не только сама линия границы, сдвигаясь то на северо-запад, то на юго-восток, но и те государственные образования, которые эта черта разделяла. Швеция сначала имела дело с Новгородом, потом с Москвой, еще позже — с Россией. В свою очередь Россия сначала имела дело со Швецией, а потом с независимой Финляндией. В XX в. противостояние в Приладожье уже затрагивало интересы СССР и Финляндии.

Кроме того, Приладожье оказывалось частью внутренних территорий, границы и статус которых также менялись. В середине XIV в. Финляндия стала полноправной провинцией Швеции, в 1581 г. ей был присвоен статус великого княжества. Земли, находившиеся по другую сторону границы, сначала были в составе Карельского уезда Водской пятины Великого Нов-

города, завоеванного в 1478 г. московским князем Иваном III. В 1703 г. приграничные территории стали частью Ингерманландской земли, а в 1708 г. — частью образованной Петром I Ингерманландской губернии. В 1710 г. возникла Санкт-Петербургская губерния, куда в 1721 г. вошли завоеванные в результате Северной войны приладожские территории, образовав Выборгскую провинцию, а позднее — Выборгскую и Кексгольмскую провинции отдельной Выборгской губернии (1744). В 1783 г. стараниями Екатерины II Выборгская губерния превратилась в Выборгское наместничество, а в 1803 г. — в Финляндскую губернию. После присоединения в 1809 г. земель шведской Финляндии территории Финляндской губернии были в 1811 г. присоединены к образованному Великому княжеству Финляндскому, обладавшему широкими автономиями в Российской империи. В 1917 г. приладожские земли стали частью независимой Финляндии, а в результате Зимней войны и Второй мировой войны к СССР были присоединены непосредственно прилегающие к Ладоге районы, вошедшие частично в состав Ленинградской области (на Карельском перешейке), частично — в Карельскую АССР, которая одновременно с присоединением новых районов была переименована в Карело-Финскую ССР. В 1956 г. республика стала снова именоваться Карельской автономной, а с 1991 — Республикой Карелия.

Если эта картина еще не кажется вам слишком запутанной, можно добавить, что пограничное размежевание приводило к смене официальных религий (в шведской Финляндии это было католичество, а позднее протестантизм, в российской Карелии — православие), языков, экономических систем, систем управления и т.д. Эти смены влекли за собой массовые миграции. Однако, несмотря на всю сложность исторического развития Приладожья, следует признать, что в нем нет ничего исключительного. Аналогичным образом происходило государственное размежевание во всех регионах: границы многократно смещались, приводя к внутри- и внешнеполитическим, а также социальным переменам.

Но приграничье всегда было не только полем внешнеполитических маневров, но и важным элементом нарративизации этих маневров. В период складывания европейских национализмов и национальных историй прошлое пограничья включалось в контекст официальных историографий, получая таким образом несколько зачастую совершенно противоположных интерпретаций.

Именно такая ситуация сложилась в Приладожской Карелии, ставшей в XX в., с одной стороны, «местом памяти и утопий»

в контексте финского дискурса о «Великой Финляндии» [Sihvo 1999; Витухновская 2006; Lähteenmäki 2007; Fingergroos 2008], а с другой — знаком интернационализма советской Карелии в 1940-е гг., и позже — символом исконно русского присутствия на Северо-Западе в рамках советской историографии (рис. 2).

Внутри двух разных *больших* историй прошлому маленького приграничного района отводились разное место и разное значение. В эпоху национального подъема в Финляндии конца XIX в. Приладожье имело центральное место в идеологии так называемого *карелианизма*, основанной на убеждении в единстве финского и карельского народов и необходимости включения Карелии в состав Великой Финляндии. Значение регио-

Рис. 2. Территории, отошедшие от Финляндии к СССР в 1944 г.
 <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Finnish_areas_ceded_in_1944_RUS.png>

на в формирования национальной финской идентичности во многом определялось той ролью, которая отводилась финскому национальному эпосу «Калевала», составленному Элиасом Леннротом на основе рун, собранных в Карелии. После получения Финляндией независимости в 1917 г. Приладожье оказалось единственным районом страны, где можно было увидеть рунопевцев и услышать живой карельский фольклор. В 1930-е гг. сортавальцам и гостям города предлагался популярнейший в то время туристический маршрут по рунопевческим деревням, а в 1929 г. около озера Толвоярви была установлена памятная плита, надпись на которой гласила: «Странник, остановись! Духи лучших людей твоего племени призывают к тебе из прошлого!» [Колесникова 2008: 153]. Именно в Сортавале — столице Восточной Финляндии — в 1880 г. была открыта учительская семинария, выступавшая в качестве активного центра финской национальной деятельности [Витухновская 2006: 29]. Здесь же с 1896 г. проводились всефинляндские певческие праздники, на которые съезжались участники и гости со всей страны. На юбилейный праздник 1926 г. в Сортавалу приехал президент Финляндии Лаури Реландер, а в год столетия «Калевалы» певческий праздник транслировался по радио на всю страну¹. В 1940 г. Финляндия лишилась этого района, и рунопевческая Карелия, ассоциировавшаяся с древней историей финского народа, превратилась в недосыгаемую Атлантиду.

В контексте советского исторического гранд-нарратива Приладожью не отводилось особой роли. Переименование Карельской автономной ССР в Карело-Финскую союзную республику мотивировалось именно присоединением финских территорий, которое описывалось в терминах воссоединения двух народов, несмотря на то что земли передавались без населения². Однако история самого региона никогда не становилась предметом специального обсуждения — ни на страницах газет, ни в исторической литературе, ни в школе. Первые учебники, посвященные истории Карелии, вышли только в конце 1950-х — середине 1960-х гг.: сначала для вузов [Очерки истории Карелии 1957; 1964], а потом для школ [История нашего края 1965; 1966]. К этому времени республика снова была Карельской ав-

¹ И.В. Борисов, С.М. Колесникова «Памятник рунопевцам Приладожья» (сайт Муниципального казенного учреждения культуры «Региональный музей Северного Приладожья»: <<http://museum-sortavala.ru/public/67-historimonument>>; просм. 3 дек. 2014 г.), Т.Л. Назирова «Парк Ваккосалми» (там же: <<http://museum-sortavala.ru/public/89-city-park>>; просм. 3 дек. 2014 г.).

² Для восполнения недостающей «финскости» в конце 1940-х гг. даже была предпринята кампания по переселению в Карелию ингерманландских финнов, закончившаяся, правда, вместе с отставкой и арестом секретаря ЦК КП(б) КФССР Геннадия Куприянова. Подробнее о дискурсе воссоединения братских народов после Зимней войны см.: [Вихавайнен 1998; Веригин 2005; Мельникова 2010].

тономной, а главный исторический императив выражался словами учебника 1957 г.: «На протяжении многих столетий карелы имели тесные экономические, политические и культурные связи с русскими, поэтому история карельского народа не может быть изучена в отрыве от истории русского народа» [Очерки истории Карелии 1957: 3]. Приладожье практически не упоминалось в учебниках, Зимней войне был посвящен короткий раздел, где не обсуждались ни выселение финнов, ни последствия войны для региона, а вхождение КАССР в состав РСФСР в 1956 г. интерпретировалось как закономерное развитие вековой истории Карелии¹.

Послевоенным жителям Приладожья местная история не была известна. Переселенцы из различных регионов СССР, приехавшие сюда после войны в рамках кампании по вербовке населения для освоения «новых районов», не застали никого из прежних жителей. Источниками информации о прошлом края были в основном рассказы пограничников и слухи, по всей видимости, активно циркулировавшие в послевоенные годы². Никакого официального, авторитетного знания об истории местного края не было вплоть до конца 1960-х гг., когда в Приладожье появились первые местные музеи. Но и эти музеи представляли весьма специфическую картину местного прошлого.

Все первые музеи Приладожья были посвящены Великой Отечественной войне. В 1965 г. открылся школьный музей в г. Питкяранта, в 1967 — в г. Лахденпохья. Инициаторами создания обоих музеев были школьные учителя и ветераны войны: В.Ф. Себин в Питкяранта и Л.Л. Нейкен в Лахденпохья. Развернувшееся в конце 1960-х гг. всесоюзное поисковое движение сделало поисковую работу популярной и официально поддерживаемой формой местной активности. Оба краеведа возглавляли поисковые группы, занимавшиеся сбором свидетельств войны в регионе, которые затем выставляли в школьных музеях³. Местная история, таким образом, репрезентировалась как история войны, что закреплялось также и в городской топонимике: многие улицы городов были названы в честь героев Великой Отечественной войны. Такая история не имела

¹ «Советская Карелия в своем экономическом, культурном и политическом развитии была тесно связана с Российской Федерацией. Великий русский народ оказал нашей республике огромную помощь в послевоенные годы в восстановлении разрушенного врагом хозяйства, в оснащении новой техникой и развитии ведущих отраслей промышленности и сельского хозяйства. Русская культура оказала большое влияние на культурное развитие карельского народа. Карельская АССР вновь вошла в братскую семью народов Российской Федерации» [История нашего края 1965: 179].

² Подробнее о послевоенных слухах, распространенных среди переселенцев, см.: [Граница и люди 2005; Мельникова 2009; Melnikova 2009; Кривошеев 2012].

³ Подробнее об истории репрезентации войны в краеведческих музеях см.: [Melnikova 2014].

связи с личными историями большинства местных жителей, воевавших, как правило, на других фронтах и не живших в Карелии ни до войны, ни между войнами. Довоенное и послевоенное прошлое в музейных экспозициях полностью игнорировалось.

Обнаружение разных «прошлых»

Вплоть до начала 1990-х гг. различные интерпретации прошлого Приладожской Карелии не сталкивались друг с другом, существуя изолированно. Дело не только в том, что финский дискурс карелианизма был неизвестен в Приладожской Карелии, потому что существовал только на финском языке, мало кому здесь понятном, и в изданиях, никому здесь не доступных, но и в том, что сама тема местной истории до 1990-х гг. мало кому казалась важной.

По воспоминания Леопольда Леонидовича Нейкена — первого и самого известного краеведа Лахденпохья — его занятия краеведением начались с изучения Карелии (а не Приладожья). Говоря о времени возникновения интереса к прошлому района, Нейкен назвал 1960-е гг., когда райком партии назначил его ответственным за подготовку публикации о городе в серии, посвященной районам Карелии: «И первый секретарь определил меня: “Ну-ка, ты давай, займись этим вопросом. Ты идеолог, ты и займись”. Вот я и занялся. Потом все больше, больше, больше»¹. Однако первое издание книги Нейкена «Лахденпохья» вышло не в 1960-е, а только в 1979 г. — в серии «Города и районы Карелии», публикация которой началась в 1972 г. Основное внимание здесь уделялось экономике и хозяйству города. Историческая часть составляла отдельный раздел, заканчивавшийся 1941 г., специальная глава была посвящена событиям Великой Отечественной войны, о выселении финнов и появлении переселенцев не говорилось ни слова.

Ситуация резко изменилась в начале 1990-х гг. С этого времени локальное прошлое Приладожья становится важным ресурсом в установлении кросс-границных отношений. Федеральный закон № 4730-1 от 4 апреля 1993 г. устанавливал новый режим приграничной зоны, сокращая ее до 5 км, что де-факто открывало финским туристам возможность посещать Приладожье, до того находившееся полностью внутри запретной территории. Открытие границ привело к мощному всплеску ностальгического туризма в некогда финские земли. Бывшие финские

¹ Запись в г. Лахденпохья 21 августа 2002 г. Материалы международного проекта “The Conditions for Constructing New Russia. Interactions of Tradition and Europeaness in the Development of 20th Century Russia”, архив автора (ЕУ-Лахден-02 МД-13).

жители, их дети и родственники приезжали сюда, чтобы посмотреть на свои старые дома и посетить кладбища. Между переселенцами и старыми хозяевами их домов стали налаживаться личные связи. Со своей стороны весь регион переориентировался на экономическое сотрудничество с Финляндией — ближайшим соседом [Scott 2013: 83–85]. Контакты с финнами складывались в области культуры, науки и образования. В этой ситуации прошлое района оказалось тем фундаментом, на котором строилось взаимодействие практически на всех уровнях местной жизни.

В те же годы начинается бум территориального брендинга — перенос внимания в публичной сфере с демонстрации общенационального единства на показ уникального и специфически местного. Приладожская история и здесь оказалась наиболее актуальной и востребованной. В этом отношении показательна динамика публикаций Л.Л. Нейкена. Начав с издания материалов для викторины «Знаете ли вы Карелию?» [Нейкен 1977], в 1970–1980-х гг. он публиковал работы, посвященные военным действиям в Лахденпохском районе и его социалистическому настоящему. А с середины 1990-х гг. Нейкен издает целую серию статей о довоенном и древнем прошлом собственно Приладожья [Нейкен 1994а; 1994б; 1996; 1997].

Один из сотрудников Сортавальского музея Северного Приладожья вспоминает о буме интереса к местной истории в середине 1990-х гг.:

Инф.: *Мы сразу же окунулись в старую финскую эпоху, потому как нам дали свободу, а до этого запрещалось поднимать всю эту тему, финскую.*

Исслед.: *Да? Нельзя было?*

Инф.: *Ну, как-то... считалось, что это неприлично. Вот у нас есть советская власть, давайте пропагандировать ее достижения и так далее, а... И не было источников. А тут появляются источники. Приезжают финны, они узнают, что есть музей, они дарят книги. У нас теперь этих книг! А потом появляются у нас и переводчики. И они у нас есть. Переводим. Поэтому мы владеем информацией о том, как здесь жили финны. Но потом, когда уже немножко насытились, теперь стали понимать, что вот этот пласт советский, он тоже интересный очень, и стали, вот, изучать переселенцев¹.*

Открытие «другой» истории края стало импульсом к смене экспозиций уже существовавших в Приладожье музеев и открытию новых. Музей Северного Приладожья, созданный в 1992 г.

¹ Запись в г. Сортавала 2 июля 2012 г. [АМАЭ. КИ. Оп. 2. № 2106. Л. 13].

в Сортавале, и Куркиекский краеведческий центр, действующий с 1999 г. и открытый в качестве музея в 2005 г., были как раз новыми музеями, создававшимися на волне увлечения «старой финской эпохой». Школьный военный музей В.Ф. Себина в Питкяранта был реорганизован в 1990-х в краеведческий и переведен в отдельное здание, а с приходом в 2004 г. нового директора в нем полностью сменились структура и облик выставочных залов.

Чье прошлое? Чья история?

Музеи больше не стремятся быть похожими друг на друга, стараясь найти собственную нишу для репрезентации уникальности локуса. Но все они обращены в прошлое. Абсолютное большинство музейных залов посвящено сегодня средневековой и новой истории края (ил. 2, 3 на цветной вклейке). При этом послевоенное прошлое или полностью опускается или представляется в максимально редуцированной форме. В Сортавальском музее вся военная и послевоенная история района умещается в одной маленькой секции в зале истории. В Куркиекском музее вплоть до 2012 г. не было зала, посвященного Зимней и Второй мировой войнам, а единственная комната, в которой сохранялась обстановка кабинета директора колхоза, в 2008 г. была закрыта для посетителей и вновь открылась относительно недавно. История переселенцев в Карелию не была представлена ни в одном из музеев, и только в последние пару лет, как говорит сотрудник Сортавальского музея, «этот советский пласт» тоже стали изучать.

Но и сейчас «настоящее» прошлое Приладожья понимается сотрудниками музеев как довоенное прошлое, к которому переселенцы не имеют никакого отношения. Тенденция к отстранению прошлого края от прошлого его современных жителей прослеживается во многих беседах с музейщиками. Приведу цитату из беседы с директором Куркиекского краеведческого центра:

Инф.: *Ну и просто это трагедия этого приграничного района, не только карельского, но также и на Украине, там в Венгрии. То есть это — трагедия этих народов.*

Исслед.: *Это Вы кого имеете в виду?*

Инф.: *Ну изначально...*

Исслед.: *То есть финнов, которые их населяли? Или кого? Карел?*

Инф.: *Я имею в виду изначально трагедию этой территории...¹*

¹ Запись в п. Куркиеки 28 августа 2008 г., архив автора (Lahd-08-16).

Представление о возможности трагедии территории, а не людей, очень характерно для тех, кто работает сегодня в краеведческих музеях. В рамках национальной парадигмы прошлое, культура, наследие принадлежат нации — именно эта модель реализовывалась советскими краеведческими музеями 1950–1980-х гг. Новая версия локально-ориентированной репрезентации края определяет в качестве собственника не народ, а территорию. Не народ, а территория переживала взлеты и падения, трагедию и «золотой век». Современные краеведческие экспозиции равнодушны к тем версиям локальной истории, которые актуальны для местных жителей. Сотрудники музеев далеки от стремления изобразить местную историю такой, какой ее видят переселенцы, потому что эта история не принадлежит им.

Стремясь показать истинное историческое значение Приладожья, сотрудники музеев обращаются к наиболее значимым, с их точки зрения, периодам истории. Такими периодами являются эпохи зарождения карельского этноса и финского возрождения первой трети XX в. И тот, и другой периоды воспринимаются как «золотой век» этой территории.

Средневековая история Приладожья особенно популярна в Куркиеки, где на протяжении последних лет регулярно проводятся археологические раскопки древних карельских поселений. Окрестности Куркиеки считаются местом формирования карельского этноса и одной из двух главных референтных точек в интерпретации прошлого региона: *Карелы бежали со своей родины, с колыбели карельского народа, с Северо-Западного Приладожья*¹ (ил. 4, 5).

На базе Куркиекского центра в 2004–2005 гг. реализовывался государственный проект «Карельское гнездо», заявленный Госцентром по охране и использованию памятников истории и культуры совместно с административными учреждениями культуры Лахденпохского района «с целью формирования на основе историко-культурного наследия Северного Приладожья имиджа территории района, использования его для социально-экономической и культурной деятельности»². Музей проводит экскурсии на тему «Древняя Карелия на берегах Ладоги», в 2004 г. был выпущен буклет с аналогичным названием. Основная экспозиция музея также посвящена истории древних карел. Древнее карельское прошлое востребовано и в других музеях. Реконструкции костюмов средневековых карел,

¹ Запись в п. Куркиеки 28 августа 2008 г., архив автора (Lahd-08-16).

² Сообщение пресс-службы правительства Карелии от 9 апреля 2004 г. <<http://www.petrozavodsk.ru/news/59567.html>> (просм. 12 фев. 2014 г.).

сделанные по рисункам руководителя археологических раскопок и главного эксперта в области раннего Средневековья Карелии С.И. Кочуркиной, представлены во всех музеях региона.

Такой вариант прошлого активно воспроизводится и за пределами музейных экспозиций. В 2012 г. галерея Кронида Гоголева, действующая в Сортавале с начала 1990-х гг., провела конкурс карело-финского народного костюма, в котором приняли участие шесть женщин, все они представляли приладожские музеи или центры творчества. Пять из показанных костюмов были сшиты мастерицами на основе тех же археологических реконструкций, которые можно найти на музейных стендах. Это льняные платья и накидки с обилием медных фибул и других деталей одежды средневековой карельской женщины (ил. 6).

Вторая референтная точка в репрезентации истории края — это развитие Приладожья в период активного национального строительства в Финляндии. Центральный зал Сортавальского музея Северного Приладожья представляет собой большой холл, разделенный вдоль одной стены на три секции; противоположная сторона объединена общей панорамой изображений, вдоль нее также установлены несколько витрин. Три секции посвящены соответственно древнейшей истории карельского Приладожья, Средневековью и Новому времени и советскому прошлому, включая историю войны и переселения. Большая панорама на противоположной стороне, позднее разделенная на две части, изображает повседневность жителей финской Сортавалы довоенного периода, оказываясь, таким образом, основным фоном картины, изображающей историю края. В дополнение к постоянно действующей экспозиции в 2013 г. здесь была открыта еще одна выставка, специально посвященная финскому периоду истории, названная «Дом провинциального города» и демонстрирующая предметы быта начала XX в. (ил. 7).

Одновременно с открытием зала, посвященного истории финской Сортавалы, в галерее Кронида Гоголева был представлен выставочный проект «Город. Лица. Театр». Как сообщает информационный стенд, проект «является одним из цикла выставок, посвященных реконструкции эпохи “золотого века” нашего города, и раскрывает историю города Сортавала первой половины XX века в ракурсе его театральной жизни» (ил. 8).

Представление о том, что финская история Приладожья была его «золотым веком» вполне типично для местной интеллигенции. Не менее типично и смешение двух наиболее значимых историй региона. Название конкурса карело-финского народ-

ного костюма, упоминавшегося выше, вызвало критику со стороны работников других музеев:

Инф.: *Но сейчас, вы знаете, что там выставка карело-финского костюма, но название неправильное. Не было карело-финского костюма... Либо карельский, либо финский. Но только не карело-финский. Их нельзя объединять вместе¹.*

Однако тот же человек, который высказался против объединения карельского и финского в одно целое, говоря о прошлом, совершает ту же подмену:

Инф.: *У нас, правда, сейчас министр культуры — женщина, которая... по-моему, она... по происхождению она карелка. Она хорошо знает карельский язык, а Худилайнен, глава республики, он финн... Так что... у нас возвращаются эти славные времена финно-карельские, будем надеяться.*

Исслед.: *Славные это времена были?*

Инф.: *Да, славные. Я... я считаю, что славные, хотя я их не видел, я их не застал, но я это чувствую, может, интуитивно или там на геном уровне, но я чувствую, что это было лучше².*

Объединение карелов и финнов в одну группу как носителей общей культуры кажется музейщикам сомнительным, однако «славное прошлое», вызывающее ностальгию, оценивается именно как общее — карело-финское.

Несмотря на то что сами музейщики прекрасно отдают себе отчет в том, что финны, проживавшие в Приладожье перед войной, отнюдь не были потомками тех карел, которые ассоциируются со временем «колыбели карельского народа», оба периода истории Приладожья нередко совмещаются. История столбовского мира, гонений на православных карел и их массового ухода с этой территории является вполне хрестоматийной и многократно повторяется в разных контекстах участниками бесед. И тем не менее древние карелы и финны, уехавшие в 1940 г., воспринимаются как единое целое:

Экскурсовод: [показывает предметы на экспозиции музея] *Ботало... это, наверно, XIX век. Дело в том, что, конечно, вот экспозиционировать каждое изделие стоит очень дорого. У нас пока еще этого... так конкретно еще нету, можно только предполагать.*

Исслед.: *Угу, а в XIX веке здесь еще карелы жили?*

Экс.: *Так. В XIX веке здесь жили карелы, потому что... потому что в 1917 году они получили самостоятельность, в XX веке.*

¹ Запись в г. Сортавала 2 июля 2012 г. [АМАЭ. К1. Оп. 2. № 2106. Л. 14].

² Там же.

И да... во-первых, здесь в основном-то жили финны, карельского населения оставалось не очень много. Но карелы еще оставались. Дело в том, что во времена этой шведской экспансии до 95 процентов населения покинуло северо-западное побережье. И вообще на протяжении всей своей... вот этих завоевательных походов шведы здесь постоянно выселяли финнов. Таким образом, здесь вот в основном-то и жили финны¹.

Понятие «карело-финское прошлое» становится инструментом определения идеальной истории территории, для которой не так уж важно, как связаны реконструируемые древние карелы с реконструируемыми же предвоенными финнами. Те и другие вместе представлены в образе «золотого века» Северного Приладожья.

Универсальное прошлое

Местные жители региона не участвовали в этой истории. Ни они сами, ни их предки не были связаны ни с древними карелами, ни с финнами. Большинство из них приехали в Карелию после войны из Украины и Белоруссии, Вологодской, Калининской и других областей РСФСР, из Чувашской и Мордовской АССР. Сейчас в Приладожье живет уже второе поколение людей, родившихся в Карелии.

Активность музеев и других культурных центров, таких как галерея Крониды Гоголева в Сортавале и Центр детского творчества в Лахденпохья, наряду с деятельностью местных администраций по созданию и пропаганде локальных символов, тем не менее делает и местных жителей причастными к «новой» истории. В последние годы здесь проводится множество публичных мероприятий, ни одно из которых не обходится без использования символов прошлого. Дни города, песенные фестивали, ярмарки и конкурсы — в программе всех праздников присутствуют элементы исторической реконструкции.

Однако ни древнее карельское, ни относительно недавнее финское прошлое не пользуются спросом у местного населения. Во время празднования Дня города в Сортавале и проведения большого песенного фестиваля в 2012 г. среди местных участников торжества исторические костюмы можно было увидеть только на официальных ведущих праздника и сотрудниках музеев, выставлявших сувениры на ярмарке.

Вместе с тем жители Приладожья охотно участвуют в разыгрывании и примеривании другого прошлого, потребность в кото-

¹ Запись в п. Куркиеки 28 августа 2008 г., архив автора (Lahd-08-16).

ром, по всей видимости, также существует. Это универсальное, ничье прошлое, не окрашенное в какие-либо этнические тона.

В 2013 г. в честь юбилея Никольского храма в Сортавале был устроен большой праздник с участием театральных коллективов, хоров и продажей сувениров. Среди молодежи, участвовавшей в празднике, многие были одеты в стилизованные традиционные костюмы. Хотя в декорировании некоторых костюмов использовался традиционный карельский орнамент, большинство из них представляли собой различные вариации на тему русского сарафана. Молодые люди не считали себя карелами, а свои костюмы — карельскими. Сам вопрос о карельской идентичности казался им странным и непонятным (ил. 9, 10).

Свидетельства популярности такого прошлого обнаруживаются и собственно в музеях. После реконструкции в музее в Питкяранта была открыта комната под названием «Домик в деревне», где собраны различные атрибуты традиционной избы: печь, самовары, прялки, деревянные лопаты. Аналогичная экспозиция в сортавальском музее называется «На берегу большого озера». Подобные комнаты можно встретить сейчас во всех уголках России: они появились, как правило, в середине 1990-х гг. Наиболее типичное название — «Русская изба», хотя встречаются и варианты: «Казачья изба» (Кизильский историко-краеведческий музей Челябинской области), «Уральские избы» (с. Арамашево Алапаевского района Свердловской области), «Крестьянская изба» (Усть-Таркинский краеведческий музей Новосибирской обл.). Даже в тех случаях, когда общая концепция выставки не вербализована термином «изба», экспонаты организованы по принципу репрезентации крестьянского жилища. Печь, ткацкий станок, прялки, предметы быта (как правило — глиняные горшки, разного рода туески и корзины, самовары, утварь), мебель и одежда всегда становятся главными экспонатами (ил. 11, 12).

Экспозиции подобного рода не маркированы ни в историческом, ни в этническом плане. В структуре музеев, придерживающихся линейно-исторического принципа экспонирования, такие комнаты занимают отдельное место. В сортавальском музее, где последовательно предлагаются разделы по древней, средневековой, новой и новейшей истории края, экспозиция «На берегу большого озера» стоит особняком — в комнате, отделенной от исторического зала помещением для временных выставок. В музее в Питкяранта исторические материалы находятся на первом этаже, а «Домик в деревне» — на втором.

Характерной особенностью таких экспозиций становится невнимание к вопросу аутентичности предметов и их принадлеж-

ности. Строгая национальная привязка не является критерием отбора экспонатов. При этом экспонаты лишены комментариев и подписей, которыми снабжаются предметы в других залах. Для создания картины востребованного, понятного и узнаваемого прошлого вопрос о том, чье именно это прошлое, становится лишним:

Исслед.: *А вообще эта комната — это что?*

Инф.: *Это «Домик в деревне» называется [нрзб.].*

Исслед.: *Чей?*

Инф.: *А просто мы знакомим людей, детей с бытом старых... эээ... с бытом старины, вот так скажем. Мы не делаем перекосы там... у нас многонациональный город, привозной, вы знаете. Если Олонец — это все карелы, и там карелов вот так, то у нас город — привозной: белорусы, татары, украинцы, русские и всех...*

Исслед.: *И? Поэтому вы...*

Инф.: *Мы не акцентируем на... национальной принадлежности того или иного, как вам сказать... предмета. Мы знакомим просто с [принципом], потому что прялка такая была в Белоруссии, чуть-чуть другая на Украине, понимаете, или там, в Архангельске, понимаете. Если мы будем еще вот это, то у нас будет один экспонат на экспозиции. Поэтому мы решили просто знакомить с предметами быта, жизни, людей прошлого времени... не притягивая к... национальности, потому что мы не вытянем на этот уровень экспозицию.*

Исслед.: *Понятно.*

Инф.: *Понятно? Поэтому, чтобы не путаться ни нам, ни посетителям, мы так и назвали — «Домик в деревне». И там не... домик в деревне Карелии, или там... Нет. А просто домик в деревне. Вот. Все, что касалось [нрзб.]. Потому что мы Олонец не переплюнем. Там все обобрано, все деревни¹.*

Аналогичным образом к созданию экспозиции подошли и сотрудники Центра детского творчества в Лахденпохья, открывшие на его базе небольшой музей:

Инф.: *Это вот у нас, так скажем, интерьер из... го... горница, изба, как хочешь, назови. То есть наши тут пытаются к... было, карельское. Я говорю, вы понимаете, что мы не можем быть карельские. У нас нет, у нас, извините, затопчут.*

Исслед.: *А кто хотел карельскую делать?*

Инф.: *Ну, у нас было за... начальство наше, вот так как бы. Мы говорим, понимаете... просто горница. Русская. Это все будет включено. Потому что разные регионы. Люди приехали из разных*

¹ Запись в г. Питкяранта 10 июля 2012 г. [АМАЭ. КІ. Оп. 2. № 2106. Л. 29].

регионов. Очень много Вологодчины, Белоруссии, Украины. А сейчас уже, говорю, вообще не поймешь, откуда¹.

Создание подобных залов является отчасти данью моде, отчасти реверансом в сторону местных жителей, признающих в таких экспозициях «свое» прошлое, которого они не видят на других экспозициях. По словам сотрудницы Лахденпохского центра, *многие женщины приходят, так вот садятся, говорят: «Господи, как у бабушки дома. Как будто у бабушки дома побывала. И печка, и все, все, все»*². Такие залы чаще всего становятся пространствами для учебных мероприятий — детских мастер-классов и других занятий.

Экзотическое, отстраненное и свернутое до простых символов древнее прошлое, предлагаемое в музеях в форме экспозиций типа «Домика в деревне», воспроизводит визуальные клише, сформированные отчасти кино- и мультфильмами, отчасти иллюстрациями к детским сказкам и рассказами бабушек. Это прошлое лишено четких этнических маркеров. Оно ничье и не принадлежит никому, оказываясь красивым товаром на полке в магазине традиционных символов. Но именно это прошлое наиболее востребовано местными жителями. Во многом благодаря активной деятельности самих музейных работников и сотрудников различных культурных центров жители Приладожья в той или иной форме включаются в производство и использование «собственных» традиций и «собственной» культуры. Сотрудники Лахденпохского Центра детского творчества регулярно устраивают ярмарки и праздники для местных жителей, куда приходят в стилизованных народных костюмах. Такие костюмы есть у всех сотрудников центра. В музее в Питкяранта работает детский кружок по шитью кукол в традиционной одежде, участники которого ежегодно участвуют в конкурсах и фестивалях.

Чужое прошлое

Открытие «финской» истории Приладожья в 1990-е гг. означало для музеев обнаружение не только новых фактов, но и новых интерпретаций. Ностальгический нарратив об уходе «золотого века» и утрате территорией своей культуры стал основной интерпретативной рамкой для репрезентации истории края. И в то же время ни сами музейщики, испытывающие сложное чувство ностальгии по финским временам, ни участники мероприятий, которые они устраивают, не пытаются примерить это прошлое на себя.

¹ Запись в г. Лахденпохья 1 августа 2012 г. [АМАЭ. К1. Оп. 2. № 2106. Л. 30].

² Там же.

Песенный фестиваль, проведенный в Сортавале во время празднования юбилея города в 2012 г., стал ярким примером столкновения двух разных образов актуального прошлого. Фестиваль символизировал возобновление традиции всефинляндских песенных праздников, которыми был знаменит город в начале XX в. Для участия в нем приехали десятки коллективов как из российской Карелии, так и из Финляндии. Местом проведения стал парк Ваккисалми, где традиционно проходили фестивали. Многие финские гости пришли на праздник в национальных костюмах. Участницы Города мастеров — небольшого пространства в парке, где продавались изготовленные своими руками сувениры, — тоже были одеты в национальные костюмы. Но если на финских женщинах можно было увидеть стилизованные карельские сарафаны типа фереси, ставшие популярными в Восточной Финляндии в конце XIX — начале XX в., то сотрудницы приладожских культурных центров (а именно они представляли свои и детские работы в Городе мастеров) были одеты исключительно в костюмы эпохи Древней Карелии.

То прошлое, которое для потомков выходцев из финского Приладожья является частью семейной и групповой традиции, для современных жителей этого региона остается чужим и неприменимым. В отличие от универсального древнего прошлого это прошлое имеет владельца. И примерить фереси означало бы для жителей Сортавалы надеть чужое платье (ил. 13, 14).

Заключение

Метафоризация понятия «прошлое» предполагает, что оно всегда принадлежит кому-то. Личное прошлое принадлежит человеку, национальное прошлое — государству. Бум исследований памяти 1980–1990-х гг. во многом был связан с попыткой людей и коллективов, не считавшихся легитимными собственниками прошлого, заявить свои права на него. Сегодня мы имеем дело с ситуацией, когда право на прошлое имеет не только человек, но и земля. Причем ее права на историю могут быть больше, чем права людей. Территория может обладать не только прошлым, но и культурой, наследием, которые люди могут как разрушить, так и сохранить.

Процесс отчуждения прошлого от человека, начавшийся далеко не сегодня, поддерживается распространением технологий конструирования исторических мифов, символов и образов. Легкость, с которой создаются региональные бренды, приписываемые городам и районам определенные исторические черты, делает возможным восприятие истории как самостоя-

тельного продукта, воспользоваться которым можно независимо от этнической или национальной идентичности.

Современные процессы в российских музеях во многом сходны с теми, что происходят в других странах Европы и Америки [Ostow 2008]. Национальное больше не является единственным возможным содержанием музейной репрезентации. На смену старым моделям приходят как новые варианты национальных музеев, так и пространства, ориентированные на локальные истории и локальные идентичности. Проблема пересмотра жестких концептуальных схем, заданных советской идеологией, в России также происходит по-разному. Одной из тенденций современного развития исторических и литературных музеев стала переориентация с больших национальных нарративов на схемы, позволяющие интерпретировать прошлое в контексте локальных городских историй [Tchouikina 2011: 99–101]. Провинциальные краеведческие музеи в целом также идут по этому пути, однако их специфика нередко заключается в отсутствии того локального сообщества, чью историю они могли бы представлять. Сообщество экспертов создает историю самостоятельно, без оглядки на ее локальные версии, в результате чего «полезным прошлым» в музее может стать прошлое, не только не укорененное в личных историях местных жителей, но и никак с ними не связанное.

Список сокращений

АМАЭ — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

Источники

История нашего края / Под ред. А.И. Афанасьевой и др. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1965. 215 с.; 2-е изд., перераб. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1966. 291 с.

Колесникова С.М. Приладожье — родина рунопевцев // Сортавальский исторический сборник. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 2. С. 146–154.

Нейкен Л. Знаете ли вы Карелию? Краевед. викторина. Петрозаводск: Карелия, 1977. 64 с.

Нейкен Л. О происхождении карелов: краеведение // Призыв. 1994а, 18 фев.

Нейкен Л. Описание уездного города Сердоболя (1786 г.) // Ладога. 1994б, 28 мая.

Нейкен Л. Сортавала — город древний: история края // Ладога. 1996, 17 янв.

Нейкен Л. Сколько лет тебе, город? Неполитические заметки историка и краеведа о праздниках и юбилеях любимых городов // Карелия. 1997, 15–21 авг. С. 8.

Очерки истории Карелии: В 2 т. Петрозаводск: Госиздат Карельской АССР, 1957–1964. Т. 1. 1957. 430 с.; Т. 2. 1964. 411 с.

Равикович Д.А. Формирование государственной музейной сети (1917 — 1-я половина 60-х гг.): Науч.-метод. рекомендации. М.: Б.и., 1988. 151 с.

Архивные материалы

АМАЭ. К1. Оп. 2. № 2106. Материалы полевой экспедиции Е.А. Мельниковой в Сортавальский, Питкярантский районы Карелии. 2012 г.

Библиография

Баранов Д.А. Этнографический музей и «рационализация системы» // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 26–43.

Бердинских В.А. «Уездные историки»: русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века. М.: НЛЮ, 2003. 528 с.

Веригин С.Г. Заселение и освоение бывших финских территорий Приладожья после окончания Зимней войны // Сортавальский исторический сборник. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Вып. 1. С. 177–189.

Витухновская М. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб.: Норма, 2006. 381 с.

Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП(б) / КПСС в 1920–1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск: Изд-во Петр. ун-та, 1998. С. 15–41.

Граница и люди: Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии: Сб. мат-лов / Науч. ред. Е.А. Мельникова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2005. 484 с.

Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе. 1956–1981 // Антропологический Форум. 2012. № 16. С. 379–402.

Златоустова В.И. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // Музей и власть: Сб. науч. тр. М.: НИИ культуры, 1991. Ч. 1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). С. 226–298.

Ионова О.В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет советской власти // История музейного дела в СССР: Сб. ст. М.: Госкультпросветиздат, 1957. С. 37–72.

Коткин С. О краеведении и его методологии // Методология региональных исторических исследований: Мат-лы междунар. семинара. СПб.: Нотабене, 2000. С. 16–22.

Краеведение и гражданское общество. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2004. 192 с.

- Кривошеев Ю.В.* Государственные люди: статьи и интервью с переселенцами Карельского перешейка. СПб.: Академия исслед. культуры, 2012. 237 с.
- Леонтьева С.Г., Маслинский К.А.* Город и турист: механизмы самопрезентации «города классической провинции» // Провинция как реальность и объект осмысления: Мат-лы науч. конф. Тверь: ТГУ, 2001. С. 76–86.
- Литягин А.А., Тарабукина А.В.* К вопросу о центре России (топографические представления жителей Старой Руссы) // Русская провинция: миф — текст — реальность: Сб. ст. М.; СПб.: Тема, 2000. С. 334–347.
- Лоскутова М.В.* Уездные ученые: самоорганизация научной общности в российской провинции во второй половине XIX — первые десятилетия XX века // *Ab Imperio*. 2009. № 3. С. 119–169.
- Лоскутова М.В.* Академия наук и краеведческое движение первой четверти XX в. // Академия наук в истории культуры России в XVIII–XX вв. / Отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб.: Наука, 2010. С. 645–677.
- Лоскутова М.В.* «Наука областного масштаба»: идея естественных районов в российской географии и истоки краеведческого движения 1920-х гг. // *Ab Imperio*. 2011. № 2. С. 83–121.
- Лоуэнцаль Д.* Прошлое — чужая страна = *The Past is a Foreign Country*: Пер. с англ. СПб.: Владимир Даль, 2004. 622 с.
- Мельникова Е.* Своя чужая история: бывшая Финская Карелия глазами советских переселенцев // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 2. С. 55–75.
- Мельникова Е.* Несколько слов о жизни одного народа // *Nomen est omen*: Сборник в честь 60-летия Н.Б. Вахтина / Под ред. А.К. Байбурина, Е.В. Головки. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. С. 210–226.
- Мельникова Е.* «Сближались народы края, представителем которого являюсь я»: краеведческое движение 1920–30-х годов и советская национальная политика // *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 209–240.
- Размустова Т.О.* Местный музей: эволюция взглядов и динамика моделей // *Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни*. Пенза: Деп. культуры Пенз. обл., 1996. Кн. 2. С. 140–148.
- Ремизов А.В.* Омское краеведение 1930–1960-х годов: Очерк истории: В 2 ч. Омск: Омск. гос. ун-т, 1998.
- Соболев В.С.* Академия Наук и краеведческое движение // *Вестник РАН*. 2000. Т. 70. № 6. С. 535–541.
- Соколовский С.В.* Несколько историй про копирайт и культуру // *Антропологический форум*. 2012. № 16. С. 171–180.
- Филимонов С.Б.* Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.). М.: О-во «Поли», 1991. 207 с.

- Филимонов С.Б.* Краеведение и культура (к вопросу о роли краеведческого движения первых послереволюционных лет в спасении и сохранении культурно-исторического наследия) // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни. Пенза: Деп. культуры Пенз. обл., 1996. Кн. 2. С. 392–400.
- Шмидт С.О.* Краеведение и документальные памятники. Тверь: Ком. информпечати «Алтей», 1992. 85 с.
- Эко У.* Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М.: Эксмо, 2007. 584 с.
- Appadurai A.* (ed.). *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003 (1986). 340 p.
- Clifford J.* *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 412 p.
- Comaroff J., Comaroff J.* *Ethnicity, Inc.* Chicago: University of Chicago Press, 2009. 236 p.
- Edwards J.* *The Need for a 'Bit of History': Place and Past in English Identity // Locality and Belonging / Ed. by N. Lovell. L.: Routledge, 1998. P. 147–167.*
- Fein J.* *Cultural Curators and Provincial Publics: Local Museums and Social Change in Siberia, 1887–1941: PhD dissertation.* Chicago, IL, 2012. 580 p.
- Fingerroos O.* *Karelia: A Place of Memories and Utopias // Oral Tradition.* 2008. Vol. 23. No. 2. P. 235–254.
- Gotham K.F.* (Re)Branding the Big Easy Tourism Rebuilding in Post-Katrina New Orleans // *Urban Affairs Review.* 2007. Vol. 42. No. 6. P. 823–850.
- Greenwood D.* *Tourism as an Agent of Change: A Spanish Basque Case // Ethnology.* 1972. Vol. 11. No. 1. P. 80–91.
- Hewison R.* *The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline.* L.: Methuen, 1987. 160 p.
- Hirsch F.* *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union.* Ithaca, NY; L.: Cornell University Press, 2005. 367 p.
- Johnson E.* *How St. Petersburg Learned to Study Itself: the Russian Idea of Kraevedenie.* University Park, PA: Penn State University Press, 2006. 303 p.
- Lähteenmäki M.* *Dreaming of a Greater Finland. Finnish-Russian Border Demarcations from 1809 to 1944 // The Flexible Frontier: Change and Continuity in Finnish-Russian Relations / Ed. by M. Lähteenmäki. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2007. P. 145–169.*
- Lowenthal D.* *The Past is a Foreign Country.* Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 1985. 489 p.
- MacCannell D.* *Empty Meeting Grounds: The Tourist Papers.* L.: Routledge, 1992. 346 p.
- Macdonald S.* *Memorylands: Heritage and Identity in Europe Today.* L.: Routledge, 2013. 320 p.

- Melnikova E.* Global Postsocialism on the Local Scale: the Soviet Migrants at Karelia and Their Past // *Anthropology of East Europe Review*. 2009. Vol. 27. No. 2. Special issue: Global Socialisms and Post-socialism. P. 86–100.
- Melnikova E.* The Local Memory of the World War II in Provincial Museums: the Northern Ladoga Case Study // E. Makhotina, E. Keding, W. Borodziej, È. François, M.S. Wessel (Hg.). *Krieg im Museum: Präsentationen des Zweiten Weltkriegs in Museen und Gedenkstätten des östlichen Europa*. München: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. (In press).
- Nash D.* Tourism as an Anthropological Subject // *Current Anthropology*. 1981. Vol. 22. No. 5. P. 461–485.
- Nash D.* *The Anthropology of Tourism*. Oxford: Pergamon Press, 1996. 205 p.
- Ostow R.* (ed.). (Re)visualizing National History: Museums and National Identities in Europe in the New Millennium. Toronto: University of Toronto Press, 2008. 228 p.
- Pike A.* Introduction: Brands and Branding Geographies // *Brands and Branding Geographies* / Ed. by A. Pike. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2011. P. 3–24.
- Scott J.W.* Constructing Familiarity in Finnish Russian Karelia: Shifting Uses of History and the Re-Interpretation of Regions // *European Planning Studies*. 2013. Vol. 21. No. 1. P. 75–92.
- Shepherd R.* Commodification, Culture and Tourism // *Tourist Studies*. 2002. Vol. 2. P. 183–201.
- Sihvo H.* Karelia: A Source of Finnish National Identity // *National History and Identity: Approaches to the Writing of National History in the North-East Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries* / Ed. by M. Branch. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. P. 181–201.
- Tchouikina S.* Les musées d'histoire et de la littérature soviétique face à la perestroïka // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 2011. Vol. 42. No. 3. P. 89–114.
- Turner B.* *Orientalism, Post-Modernism and Globalism*. L.: Routledge, 1994. 228 p.
- Ulldemolins J.R.* Culture and Authenticity in Urban Regeneration Processes: Place Branding in Central Barcelona // *Urban Studies*. 2014. Vol. 51. Is. 14. P. 3026–3045.
- Urry J.* *The Tourist Gaze*. Newbury Park, CA; L.: Sage Publications, 1990. 176 p.
- Walsh K.* *The Representation of the Past: Museums and Heritage in the Post-Modern World*. L.: Routledge, 1992. 212 p.
- Wood R.* Tourism and the State: Ethnic Options and Construction of Otherness // *Tourism, Ethnicity and the State in Asian and Pacific Societies* / Ed. by R. Wood, M. Picard. Honolulu, HI: University of Hawai'i Press. 1997. P. 1–34.
- Wood R., Picard M.* (eds.). *Tourism, Ethnicity and the State in Asian and Pacific Societies*. Honolulu, HI: University of Hawai'i Press, 1997. 259 p.

Local Past on the Margins of the National: Local Museums of the Northern Ladoga Region in the Post-Soviet Period

Ekaterina Melnikova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences

University emb. 3, St Petersburg, Russia

melek@eu.spb.ru

This paper deals with the issue of how the small provincial museums of contemporary Russia represent local past. I argue that the widespread idea of state sponsored museums as vehicles of national ideologies does not comply with the modern situation. Museums enter the markets of tourism and heritage while remaining the parts of the state museum system. In the context of territorial branding, and competition with other regions for visitors and investments, local museums break from the model of representing the “national” and search for local specifics, while ignoring national frameworks. I use the example of the Northern Ladoga region, which has a long and complicated history due to its North European border. During the last changes of the borders after World War II, Finland ceded the territory to the Soviet Union. Using the materials of exhibitions, observations, and interviews with museum guides, I focus on the modern shifts in representing local past in small museums of the region. Today, history has become the most claimed resource of local imagination in the framework of the museum display, but the past which is associated with local culture is usually interpreted as the heritage of the territory rather than of its inhabitants. Viewed from this angle, the displayed past renders the romantic ideas of a “golden age,” when the territory was part of another country. Mostly unknown to local people, this past is seen as an exotic image which provides the region with a trendy brand, but it is not related to any personal or familial histories of local people.

Keywords: local museums, *kraevedenie*, memory studies, local heritage, history, anthropology of memory.

References

- Appadurai A. (ed.), *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 (1986). 340 pp.
- Baranov D. A., ‘Etnograficheskiy muzey i “ratsionalizatsiya sistemy”’ [The Ethnographic Museum and the “Rationalisation of the System”], *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2010, no. 4, pp. 26–43. (In Russian).

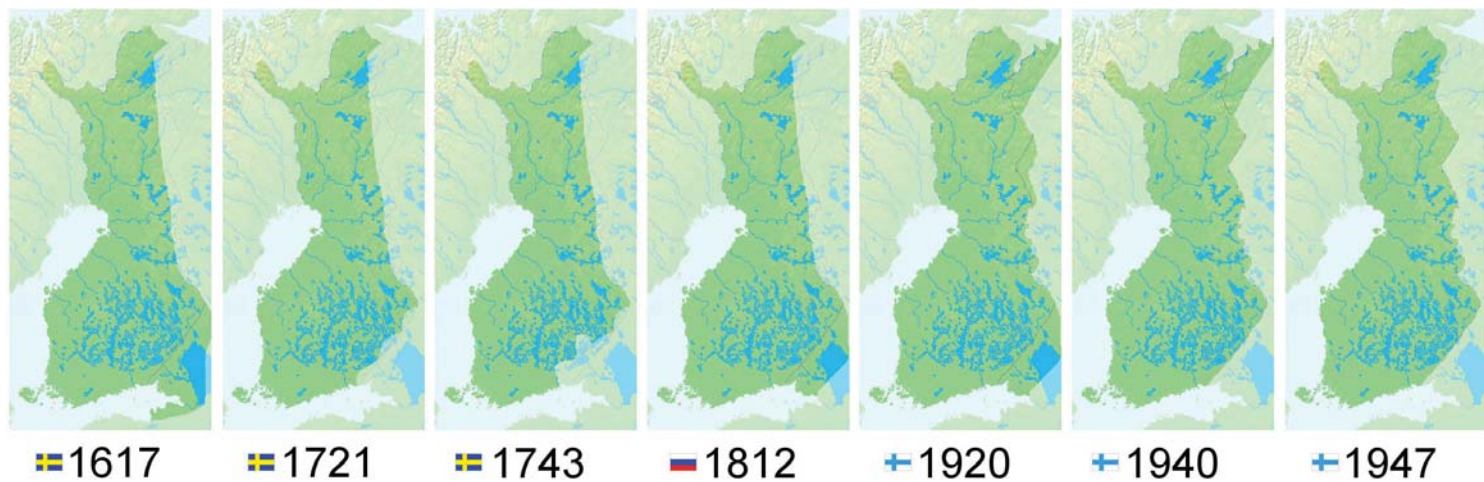
- Berdinskikh V. A., *“Uezdnye istoriki”*: russkaya provintsialnaya istoriografiya vtoroy poloviny devyatnadsatogo veka [“Provincial Historians”: Russian Provincial Historiography in the Second Half of the 19th Century]. Moscow: NLO, 2003. 522 pp. (In Russian).
- Clifford J., *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 412 pp.
- Comaroff J., Comaroff J., *Ethnicity, Inc.* Chicago: University of Chicago Press, 2009. 236 pp.
- Donovan V., ‘“Going Backwards, We Stride Forwards”: Kraevedenie Museums and the Making of Local Memory in North West Russia, 1956–1981’, *Forum for Anthropology and Culture*, 2012, no. 7, pp. 211–230.
- Eco U., *Turning Back the Clock: Hot Wars and Media Populism*. Orlando; Austin; New York; San Diego; London: Houghton Mifflin Harcourt, 2007. 384 pp.
- Edwards J., ‘The Need for a “Bit of History”: Place and Past in English Identity’. Lovell N. (ed.), *Locality and Belonging*. London: Routledge, 1998. Pp. 148–167.
- Fein J., *Cultural Curators and Provincial Publics: Local Museums and Social Change in Siberia, 1887–1941*: PhD dissertation. Chicago, IL, 2012. 580 pp.
- Filimonov S. B., *Kraevedcheskie organizatsii Yevropeyskoy Rossii i dokumentalnye pamyatniki (1917–1929 gg.)* [Local Organisations of European Russia and Documental Monuments (1917–1929)]. Moscow: Poli, 1991. 207 pp. (In Russian).
- Filimonov S. B., ‘Kraevedenie i kultura (k voprosu o roli kraevedcheskogo dvizheniya pervykh poslerevolnytsionnykh let v spasenii i sokhranении kulturno-istoricheskogo naslediya)’ [*Kraevedenie and Culture (The Role of the Early Post- Revolutionary Local Studies’ Movement in Rescuing and Preserving Cultural and Historical Heritage)*], *Rossiyskaya provintsiya XVIII–XX vekov: realii kulturnoy zhizni* [The Russian Province of the 18–20th Centuries: Realms of Cultural Life]. Penza: Department of Culture of Penza Region, 1996, vol. 2. Pp. 392–400. (In Russian).
- Fingerroos O., ‘Karelia: A Place of Memories and Utopias’, *Oral Tradition*, 2008, vol. 23, no. 2, pp. 235–254.
- Gotham K. F., ‘(Re)Branding the Big Easy Tourism Rebuilding in Post-Katrina New Orleans’, *Urban Affairs Review*, 2007, vol. 42, no. 6, pp. 823–850.
- Greenwood D., ‘Tourism as an Agent of Change: A Spanish Basque Case’, *Ethnology*, 1972, vol. 11, no. 1, pp. 80–91.
- Hewison R., *The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline*. London: Vintage, 1987. 848 pp.
- Hirsch F., *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2005. 392 pp.
- Ionova O. V., ‘Sozdanie seti kraevedcheskikh muzeev RSFSR v pervye desyat let sovetskoy vlasti’ [The Creation of Local Museum Networks in the RSFSR During the First Decade of Soviet Power], *Istoriya*

- muzeynogo dela v SSSR* [The History of Museums in the USSR]. Moscow: Goskultprosvetizdat, 1957. Pp. 37–72. (In Russian).
- Johnson E., *How St Petersburg Learned to Study Itself: the Russian Idea of Kraevedenie*. University Park, PA: Penn State University Press, 2006. 303 pp.
- Karpenko O., Chikadze E. (eds.), *Kraevedenie i grazhdanskoe obshchestvo* [Kraevedenie and Civil Society]. St Petersburg: Zvezda, 2004. 192 pp. (In Russian).
- Kotkin S. O., ‘O kraevedenii i ego metodologii’ [On *Kraevedenie* and Its Methods], *Metodologiya regionalnykh istoricheskikh issledovaniy* [The Methodology of Regional Historical Studies]. St Petersburg: Notabene, 2000. Pp. 16–22. (In Russian).
- Krivosheev Ju. V., *Gosudarstvennye lyudi: stati i intervyyu s pereselentsami Karelskogo peresheyka* [People of the State: Articles and Interviews with the Migrants of the Karelian Isthmus]. St Petersburg: Academy of Cultural Research Press, 2012. 237 pp. (In Russian).
- Lähteenmäki M., ‘Dreaming of a Greater Finland. Finnish-Russian Border Demarcations from 1809 to 1944’, Lähteenmäki M. (ed.), *The Flexible Frontier: Change and Continuity in Finnish-Russian Relations*. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2007. Pp. 145–169.
- Leontyeva S. G., Maslinskiy K. A., ‘Gorod i turist: mekhanizmy samoprezentatsii “goroda klassicheskoy provintsii”’ [City and Tourist: The Mechanisms of Self-Representation of “Classical Provincial Town”], *Provintsiya kak realnost i obekt osmysleniya* [The Province as Reality and Subject of Study]. Tver: Tver State University Press, 2001. Pp. 76–86. (In Russian).
- Lityagin A. A., Tarabukina A. V., ‘K voprosu o tsentre Rossii (topograficheskie predstavleniya zhiteley Staroy Russy)’ [On the Centre of Russia (Topographical Ideas of the Inhabitants of Staraya Russa)], *Russkaya provintsiya: mif — tekst — realnost* [Russian Province: Myth — Text — Reality]. Moscow; St Petersburg: Tema, 2000. Pp. 334–347. (In Russian).
- Loskutova M. V., ‘Uezdnye uchenye: samoorganizatsiya nauchnoy obshchestvennosti v rossiyskoy provintsii vo vtoroy polovine XIX — pervye desyatiletiya XX veka’ [Provincial Scholars: Self-Organisation of the Academic Community in the Russian Province during the Late 19th and Early 20th Century], *Ab Imperio*, 2009, no. 3, pp. 119–169. (In Russian).
- Loskutova M. V., ‘Akademiya nauk i kraevedcheskoe dvizhenie pervoy chetverti XX v.’ [The Academy of Sciences and the Local Studies’ Movement during the First Quarter of the 20th Century], *Akademiya nauk v istorii kultury Rossii v XVIII–XX vv.* [Academy of Sciences in the History of Culture of Russia in 18–20 Cent.]. St Petersburg: Nauka, 2010. Pp. 645–677. (In Russian).
- Loskutova M. V., “‘Nauka oblastnogo masshtaba’: ideya estestvennykh rayonov v rossiyskoy geografii i istoki kraevedcheskogo dvizheniya 1920-kh gg.’ [“Science on a Local Scale”: The Idea of Natural Regions in Russian Geography and the Roots of the 1920s Local Studies’ Movement], *Ab Imperio*, 2011, no. 2, pp. 83–121. (In Russian).

- Lowenthal D., *The Past is a Foreign Country*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 1985. 489 pp.
- MacCannell D., *Empty Meeting Grounds: The Tourist Papers*. London: Routledge, 1992. 346 pp.
- Macdonald S., *Memorylands: Heritage and Identity in Europe Today*. London: Routledge, 2013. 320 pp.
- Melnikova E. A. (ed.), *Granitsa i lyudi: Vospominaniya sovetskikh pereselentsev Priladozhskoy Karelii* [The Border and the People: Recollections of Soviet Migrants to Ladoga Karelia]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2005. 484 pp. (In Russian).
- Melnikova E., 'Global Postsocialism on the Local Scale: the Soviet Migrants at Karelia and Their Past', *Anthropology of East Europe Review*, 2009, vol. 27, no. 2, special issue: Global Socialisms and Postsocialism, pp. 86–100.
- Melnikova E. A., 'Svoya chuzhaya istoriya: byvshaya Finskaya Kareliya glazami sovetskikh pereselentsev' [My Own Alien History: Finnish Karelia from the Perspective of Soviet Migrants], *Neprikosnovenny Zapas*, 2009, no. 2, pp. 55–75. (In Russian).
- Melnikova E. A., 'Neskolko slov o zhizni odnogo naroda' [A Few Words about the Life of One Nation], Baiburin A. K., Golovko E. V. (eds.), *Nomen est omen: Sbornik v chest 60-letiya N. B. Vakhtina* [Nomen est omen: Collection Dedicated to the N. B. Vakhtin's 60th Anniversary]. St Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 2010. Pp. 210–226. (In Russian).
- Melnikova E. A., "'Sblizhalis narody kraja, predstavitelem kotorogo yavlyayus ya": kraevedcheskoe dvizhenie 1920–30-kh godov i sovetskaya natsionalnaya politika' ["The Peoples of the Kray, Which I Represent, Became Closer": The Local Studies' Movement of the 1920–30s and Soviet National Politics], *Ab Imperio*, 2012, no. 1, pp. 209–240. (In Russian).
- Melnikova E., 'The Local Memory of the World War II in Provincial Museums: the Northern Ladoga Case Study', Makhotina E., Keding E., Borodziej W., François E., Wessel M. S. (Hg.), *Krieg im Museum: Präsenationen des Zweiten Weltkriegs in Museen und Gedenkstätten des östlichen Europa*. München: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. (In print).
- Nash D., 'Tourism as an Anthropological Subject', *Current Anthropology*, 1981, vol., 22, no. 5, pp. 461–485.
- Nash D., *The Anthropology of Tourism*. Oxford: Pergamon Press, 1996. 240 pp.
- Ostow R. (ed.), *(Re)visualizing National History. Museums and National Identities in Europe in the New Millennium*. Toronto: University of Toronto Press, 2008. 240 pp.
- Pike A., 'Introduction: Brands and Branding Geographies', Pike A. (ed.), *Brands and Branding Geographies*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2011. Pp. 3–24.
- Razmustova T. O., 'Mestnyy muzey: evolyutsiya vzglyadov i dinamika modeley' [Local Museum: The Evolution of the Ideas and Model Dynamics], *Rossiyskaya provintsiya XVIII–XX vekov: realii kulturnoy*

- zhizni* [Russian Province of 18–20th Centuries: The Realms of Cultural Life]. Penza: Department of Culture of Penza Region, 1996, vol. 2. Pp. 140–148. (In Russian).
- Remizov A. V., *Omskoe kraevedenie 1930–1960-kh godov: Ocherk istorii* [Local Studies of Omsk 1930s–1960s: Historical Essays]. Omsk: Omsk State University, 1998, vols. 1, 2. (In Russian).
- Schmidt S. O., *Kraevedenie i dokumentalnye pamyatniki* [Kraevedenie and Documental Monuments]. Tver: Altey, 1992. 85 pp. (In Russian).
- Scott J. W., ‘Constructing Familiarity in Finnish Russian Karelia: Shifting Uses of History and the Re-Interpretation of Regions’, *European Planning Studies*, 2013, vol. 21, no. 1, pp. 75–92.
- Shepherd R., ‘Commodification, Culture and Tourism’, *Tourist Studies*, 2002, no. 2 (99), pp. 183–201.
- Sihvo H., ‘Karelia: A Source of Finnish National Identity’, Branch M. (ed.), *National History and Identity: Approaches to the Writing of National History in the North-East Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries*. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. Pp. 181–201.
- Sobolev V. S., ‘Akademiya Nauk i kraevedcheskoe dvizhenie’ [The Academy of Sciences and the Local Studies’ Movement], *Vestnik RAN* [Russian Academy of Science Bulletin], 2000, vol. 70, no. 6, pp. 535–541. (In Russian).
- Sokolovskii S. V., ‘Neskolko istoriy pro kopirayt i kulturu’ [A Few Stories About Copyright and Culture], *Antropologicheskij Forum*, 2012, no. 16, pp. 171–180. (In Russian).
- Tchouikina S., ‘Les musées d’histoire et de la littérature soviétique face à la perestroïka’, *Revue d’études comparatives Est-Ouest*, 2011, vol. 42, no. 3, pp. 89–114.
- Turner B., *Orientalism, Post-Modernism and Globalism*. London: Routledge, 1994. 228 pp.
- Ulldemolins J. R., ‘Culture and Authenticity in Urban Regeneration Processes: Place Branding in Central Barcelona’, *Urban Studies*, 2014, vol. 51, no. 14, pp. 3026–3045.
- Urry J., *The Tourist Gaze*. Newbury Park, CA; London: Sage Publications, 1990. 176 pp.
- Verigin S., ‘Zaselenie i osvoenie byvshikh finskikh territoriy Priladozhya posle okonchaniya Zimney voyny’ [The Development and Resettlement of the Finnish Territories of Ladoga after the End of the Winter War], *Sortavalskiy istoricheskiy sbornik* [Sortavala Historical Anthology], 2005, no. 1, pp. 177–189. (In Russian).
- Vihavainen T., ‘Natsionalnaya politika VKP(b) / KPSS v 1920–1950-e gody i sudby karelskoy i finskoy natsionalnostey’ [The National Politics of CPSU in the 1920–1950s and the Fate of the Karelian and Finnish Nationalities], *V seme edinoy: Natsionalnaya politika partii bolshevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920–1950-e gody* [In the United Family: National Politics of the Bolshevik Party and Its Realisation in the North Western Russia, 1920s–1950s]. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Press, 1998. Pp. 15–41. (In Russian).

- Vitukhnovskaja M., *Rossiyskaya Kareliya i karely v imperskoj politike Rossii, 1905–1917* [Russian Karelia in the Imperial Politics of Russia, 1905–1917]. St Petersburg: Norma, 2006. 381 pp. (In Russian).
- Walsh K., *The Representation of the Past: Museums and Heritage in the Post-Modern World*. London: Routledge, 1992. 212 pp.
- Wood R., ‘Tourism and the State: Ethnic Options and Construction of Otherness’, Wood R., Picard M. (eds.), *Tourism, Ethnicity and the State in Asian and Pacific Societies*. Honolulu: University of Hawai’i Press, 1997. Pp. 1–34.
- Wood R., Picard M. (eds.), *Tourism, Ethnicity and the State in Asian and Pacific Societies*. Honolulu: University of Hawai’i Press, 1997. 259 pp.
- Zlatoustova V. I., ‘Gosudarstvennaya politika v oblasti muzejnogo dela (1945–1985 gg.)’ [State Politics in Museology (1945–1985)], *Muzey i vlast* [Museum and Power]. Moscow: Research Institute of Culture Press, 1991, vol. 1. Pp. 226–298. (In Russian).

Ил. 1. Изменение границ в Северном Приладожье в XVII–XX вв.
<http://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Maps_of_the_history_of_Finland>

Ил. 2. Зал истории в Музее Северного Приладожья (г. Сортавала).
Здесь и далее фото автора

Ил. 3. Часть исторической экспозиции в Музее Северного Приладожья (г. Сортавала)

Ил. 4. Экспозиция
в краеведческом музее
«Кирыяж» (пос. Куркиеки)

Ил. 5. Экспонат
исторической экспозиции
Музея Северного Приладожья
(г. Сортавала)

Ил. 6. Участницы конкурса карело-финского костюма в галерее Кронида Гоголева (г. Сортавала)

Ил. 7. Выставка
«Дом провинциального
города» в Музее
Северного Приладожья
(г. Сортавала)

Ил. 8. Выставка
«Город. Лица. Театр»
в галерее Кронида Гоголева
(г. Сортавала)

Ил. 9. Участница праздника
в честь юбилея
Никольского храма
в г. Сортавала

Ил. 10. Участница праздника
в честь юбилея Никольского
храма в г. Сортавала

Ил. 11. Экспозиция
«Домик в деревне»
в краеведческом музее
им. В.Ф. Себина
(г. Питкяранта)

Ил. 12. Часть экспозиции «Белорусы» в Российском этнографическом музее
(Санкт-Петербург) <<http://www.ethnomuseum.ru/belorusy-konec-xix-nachalo-xx-v>>

Ил. 13. Участники сортавальского песенного фестиваля из г. Лиекса (Восточная Финляндия)

Ил. 14. Участница Города мастеров, проводившегося в рамках песенного фестиваля и Дня города в г. Сортавала в 2012 г.